

# ВИОРЭЛЬ ЛОМОВ

МУЗЕЙ

Виорэль Ломов

**Музей**

«Остеон-Групп»

2015

## **Ломов В. М.**

Музей / В. М. Ломов — «Остеон-Групп» , 2015

Автор невероятно захватывающих и философских притч представляет читателю фантасмагорическое повествование с элементами детектива, позволяющими до последнего момента держать читателя в напряжении. Это повесть, традиционная сюжетная проза, написанная от первого лица, гротескный рассказ о бомже, который устроился разнорабочим в находящийся в областном центре музей, со старинными вазами и чучелом рыси, которое оживает по ночам. В музее этом он нашел любовь по имени Элоиза, стал с ней жить, а потом потерял. Этот странный музей человеческих судеб-мифологическое и сказочное пространство: не зря в финале герой начинает объяснять, что человек — существо многослойное и устроено так же, как музей.

© Ломов В. М., 2015

© «Остеон-Групп» , 2015

# Содержание

1. Сума	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

# Виорель Ломов

## Музей

*От сумы и от тюрьмы не зарекайся.*  
*Русская пословица*

Все права на электронную версию книги и её распространение принадлежат издательству ООО «Остеон-Пресс» и автору – Виорелю Ломову. Никто не имеет право каким-либо образом распространять или копировать этот файл или его содержимое без разрешения правообладателя и автора.

## 1. Сума

### Как сейчас помню, была пятница, тринадцатое...

Как сейчас помню, была пятница, тринадцатое, разгар июня... А может, я и ошибаюсь, и был май, и вовсе не тринадцатое. Память так капризна.

Кстати, как только начинаешь вспоминать, вспоминается бог знает что, чего и близко не было. Хотя тут же готов голову дать на отсечение, что всё было именно так!

Вспомнишь эпизод – и сердце замрет, не в силах покинуть тот остановившийся навсегда момент времени.

\* \* \*

Меня уже месяц носило по городу, в котором я никому не был нужен. Карманы и душа мои были пусты. Это только природа не терпит пустоты, а душа стерпелась. Впрочем, у меня оставалось еще немного денег, чтобы оттянуть тот момент, когда меня понесет к мусорным ящикам и урнам, как гибнущий корабль на скалы. Только вряд ли что оставили там крысы, собаки и пенсионеры. Есть еще паперть, грабеж да мысли о бессмертии. Странно, что бомжи тоже хотят жить. Собственно, что еще желать в стране, где улыбка занесена в Красную книгу?

Месяц назад я истово решал классические вопросы бытия, один за другим выдирая их с корнем из души, как сорняки. Выдрал и решил: когда виноват весь мир, значит, виноват и ты; и ничего тут не поделаешь.

И весь этот месяц я тянул, как актер паузу, и не забирал со сберкнижки последние рубли, которых могло бы вполне хватить на ритуальные услуги. Я жил случайными заработками, а ночевал на даче, которая единственная осталась у меня от прежней нормальной жизни. Чтобы избежать радостных встреч с контролерами, я с дачи уезжал первой электричкой, а возвращался последней. И с каждым днем всё больше и больше в электричках становилось людей, похожих на меня, и с каждым днем я всё меньше и меньше становился похожим на людей, от которых каждую ночь уезжал с вокзала на юго-восток. Я стал плохо спать. А если и засыпал, то во сне мчался сломя голову в грохочущем вагоне от преследующей меня темноты.

\* \* \*

Мимо процокала девица. Мне раньше нравился июнь. В июне откуда-то появлялось много женщин. Совершенно бесполезных созданий, впрочем, как и мужчин.

Старик с седой бородой, как у Хемингуэя, в толстом осеннем пальто и кроличьей шапке, закинув руки за спину, брел впереди, разглядывая асфальт. Поднял что-то, бросил и стал яростно пинать ногами. В мою сторону откатилась сплюснутая крышечка от бутылки.

Я представил себе на миг, что буду вот так же шататься по городу в разгар лета в несуразном, но необходимом наряде, рыться на помойках и собирать бутылки, и содрогнулся от собственной грязи, словно вдруг провалился в сточную яму. Сколько дней этот старик живет внутри своего тела, внутри своей души, внутри своих мыслей, съезжившись, сжавшись, замерев, лишь бы не чувствовать их грубую, грязную корку, лишь бы не касаться их границ?

Только тут я заметил, что после ночного дождя на черном асфальте много сломанных веток. У тополя конституция хрупкая, как у бродячего актера. Тополя, тополя, кто же ваш режиссер?



Я прошел мимо павильончика, на двери которого вечно висит табличка» Технический перерыв». Сейчас таблички не было.

– Пивка не желаете? – крашенная блондинка выглянула из дверей павильона.

– На обратном пути, – сказал я.

Меня вынесло на проспект, зажатый между стенами серых зданий. Угловой дом перед площадью был безобразно громаден. В нем можно было бы запросто разместить всех бандитов и бомжей Центрального района.

– Мужик, подсоби-ка! – донеслось как из-под земли. – Дверь надо открыть.

На нижней ступеньке зарешеченного спуска в подвал стоял лысый здоровяк лет шестидесяти с чучелом рыси в руках. Я спустился на пятнадцать ступенек и помог ему.

– Помоги еще, – попросил мужчина.

В подвале он зажег свет, мы прошли еще метров тридцать, и он открыл одну из многочисленных дверей. Я отдал ему чучело. На миг мне показалось, что рысь живая. Взгромоздив рысь на верстак, мужчина вытер пот со лба и потянулся к начатой бутылке пива. Сделав два глотка, он предложил мне допить бутылку.

Пиво выдохлось и было теплое. Я огляделся. Комната была заставлена чучелами. На столе лежала краюха хлеба. Я невольно проглотил слюну. Два дня назад я перешел на режим жесткой экономии и перестал ужинать и завтракать. Жизнь вприглядку – вполне сносная вещь. Некоторое время.

– Бери, – сказал мужчина. – Чай будешь? Бомж?

– Пока кандидат. Для чучела не сгожусь? Продам себя по дешевке.

Таксидермист пригляделся ко мне. После некоторого раздумья произнес:

– Место есть, разнорабочего. Здоровье как? Не музыкант? А то те руки очень уж берегут. Поешь, да к заму пойдем. Паспорт есть?

– Можно? – в дверь на уровне стола влезла голова. Между бородой и кроличьей шапкой блестели глаза.

– Федул, заползай!

Зашел старик, pinaвший крышечку. Он стащил шапку и стал похож на Хемингуэя не одной бородой, а всеми чертами лица. Только лысина была пониже и сам он жизнелюбивее. Копия моего кормильца, разве что несуразная и грязная.

Таксидермист достал еще один бокал. Попробовал оттереть пальцами коричневый налет на ободке.

– Чего не был три дня? Забирали?

– Да кому я, Вова, на фиг нужен? Ты когда чучело из меня сделаешь?

– После него, – кивнул на меня таксидермист. – Жир нагулай.

– Поздно уже нагуливать. Новенький? – обратился Федул ко мне, глядя на Вову.

– Думал долго, вот он твою строчку и занял, – ответил таксидермист.

– Так у тебя ж работать надо? Мой трудовой энтузиазм, Вова, там остался, – Федул махнул рукой в неопределенном направлении.

– До чего ж ты опустился, Федул.

– Я, Вовчик, пал, чтоб встать! Вчера полтинник стукнул! – радостно сообщил он мне и вдруг встал в боксерскую стойку и помолотил кулаками по воздуху. – Маменька с папенькой, жаль, не дожили, порадовались бы за сына. Ой, как порадовались бы!..

– Осталась строчка дворника, – сказал Вовчик.

– Сыну полтинник стукнул!.. Дворника – шутишь? А чего-нибудь для головы?

– Опять? Сдохнешь ведь с голоду!

– Ну и живодер же ты, Вова! Сразу» сдохнешь»!

Федул натянул шапку и, не прощаясь, вышел.

– Сволочь! – ласково произнес Вова. – Попил? Айда к Салтыкову. ГОСТа случайно не знаешь на припой? Смету составляю, а по сварке я – швах.

– На запой забыл, а на припой помню. Если классификация интересует, то ГОСТ девятнадцать двести сорок восемь тире семьдесят три.

Вова ошарашено посмотрел на меня:

– Это ты серьезно? Откуда знаешь? – он вписал в смету номер ГОСТа.

– Конечно, серьезно. Сварщик я. Не тот, что варит дугой, а тот, что варит мозгой, эсэнэс – совсем ненужный сотрудник.

\* \* \*

Замдиректора с изможденным, но всё равно круглым лицом взглянул на Вову, потом на меня, не здороваясь, протянул руку и поиграл пальцами.

Я протянул ему паспорт.

– Сварщик! – аттестовал меня таксидермист. – И к тому же старший научный сотрудник. Мозгой работает – так. ГОСТы наизусть шпарит. Как «Отче наш».

Салтыков безучастно отнесся к его сообщению, изучил паспорт и протянул мне бланк типового договора. Кинул ручку. Взглянул на часы.

– У меня десять минут.

Я заполнил бланк, поставил подпись. Салтыков посмотрел и тоже расписался.

– А что там за пункт такой? – спросил я. – Третий, кажется. «После месячного испытательного срока договор пролонгируется при обоюдном согласии администрации музея и работника».

– Да, это третий пункт, – ответил зам, приглядываясь ко мне. – Не больны?

«Они тут в космос готовят, что ли», – подумал я.

Он постоял, подумал, шевеля губами, сказал:

– Вова Сергеич, расскажи тут ему... Рукавицы не забудь.

А потом обратился ко мне:

– Я зам. А Вова Сергеич мой пом, – и ушел.

Помзам Вова выдал рукавицы и повел меня по комнатам и залам. Привел куда-то.

– Вот тут будешь трудиться до обеда, – сказал он. – Науки, понятно, не много, но работа – сплошной кайф. Бери больше, тащи дальше. Из пункта А в пункт Б. Отсюда туда.

Пункт А был завален какими-то коробками. Я стал носить их в пункт Б. Основное правило несунa: если сегодня из пункта А всё перетащить в пункт Б, завтра будет что тащить из пункта Б домой. Если, конечно, есть дом.

Часам к двенадцати я справился с заданием. Вова Сергеич остался доволен.

### **Завтра у нас выходной...**

– Завтра у нас выходной, – сказал он. – Крыша как?

Я похлопал себя по макушке.

– Да пока на месте.

– Жить, спрашиваю, где будешь? Дом есть?

– Где я, там и дом, – я на всякий случай о домике (три на четыре, с верандой, на сорок восьмой версте) умолчал.

– Прямо как улитка.

Помзам задумался, погладил свою гладкую макушку. Глянул на ладонь, понюхал.

– Ладно, покумекаем ближе к вечеру. Обедать где намерен? Как выйдешь, в первый переулок свернешь, там павильон...



– Знаю.

– Так ты в него не заходи. Там всё было свежее в прошлом году. И наверняка попадешь в перерыв.

– Технический.

– Да? Не замечал. Пройдешь полсотни метров, в подвале магазинчик с ненашим названием. Купи там чего-нибудь, а чай и сахар в тумбочке возьмешь. На макушке ничего нет? – он наклонил лысину.

– Ничего.

– Да? Ладно, ступай. Будь добр, купи «Спид-Инфо» и «МК», – он протянул мне деньги. – Своих нет? Вернешь потом.

Был ослепительно ясный день. Я поймал себя на том, что впервые за этот год любуюсь ничем, просто воздухом, травой, деревьями, прохожими. Сломанные ветки за день распушились, воробьи выклевывали из пуха семена. Надо же, ветки погибли, а жизнь из них так и прет.

Хорошо, благодаря Вове сэкономил сегодня на обеде.

Магазинчик и точно назывался не по-нашему: Chéreamie. Когда я вижу заведение с вывеской на казахском языке, я знаю: там хозяева казахи. Когда на корейском – корейцы. Но когда я вижу «Милый друг» на французском, я не уверен, что хозяева там французы. Я ткнул пальцем на весы, где вместо четырехсот было триста тридцать грамм, и спросил, в чем истина, продавщица позвала амбала. Мы с ним представили друг другу аргументы, он весомые, я жилистые, поговорили на чистейшем русском языке и разошлись, как в случайном браке. Продавщице, правда, пришлось доложить семьдесят грамм.

Через двадцать минут я с хлебом и колбасой спускался в подвал музея. Из кармана у меня торчали газеты, которые я отродясь не читал.

– Так, я поехал на базу, – сказал Вова Сергеич. – Буду к вечеру. Тебе задание: всё железо, что тут валяется, разложить вдоль стен. Справа – трубы и колена, слева – уголки и швеллеры, прутья отдельно. Только аккуратно. А доски и кирпич оттащишь ко входу. В понедельник перетасишь их в другой подвал. Извини, закрою тебя, посидишь взаперти. Туалет вон там. После обеда можешь законно покемарить. С полчаса, не более.

Помзам похлопал по продавленному старенькому дивану.

– Паспорт дай-ка. На всякий случай, – сказал Вова Сергеич. – Потом отдам. О, да ты никак спать хочешь?

– Телефона нет? – спросил я.

– Не держим, – промолвил он и ушел.

Прогрохотала входная, обитая железом дверь. Потом еще одна. И сразу стало так тихо, точно комната ушла под землю. «Сейчас полезет сквозь щели всякая нечисть, – подумал я. – Телевизор бы тут не помешал, для дизайна. Вон в том углу». Я включил чайник и разложил на газете свой обед. Положил в бокал заварку, сахар, нарезал колбасу, отломил хлеб, понюхал его. Хлеб уже давно потерял собственный запах. Он, как женщина, пахнет не собой, а всяким бэби-драй. Чего это Вова нюхал свою макушку?

Пообедав, я развернул газету, но стал зевать, погасил свет и улегся на скрипучем диване. Прислушался, было тихо, как в барокамере. Не пищали мыши, не шуршали насекомые, не звенели комары...

### **Разбудил меня звук...**

Разбудил меня звук, донесшийся откуда-то извне. Я это понял сквозь сон. Странно, звук проникал в сон легко, как иголка, а я из сна выходил неуклюже, как по песку. Звук был не очень громкий, но как бы целенаправленный. Я зажег свет, взглянул на часы. Часы остановились на половине первого. Первый раз остановились за всё время. Я всю жизнь суеверно боялся

их остановки. Сколько же я проспал? Может, вечер уже, а я не растащил железяки? Придет благодетель и попрет меня отсюда. Жаль, место-то вроде ничего.

Звук повторился. Словно кто-то стучал в дверь.

– Заходите! – крикнул я.

Никто не зашел. Стук повторился. Я встал и открыл дверь. Было пусто. Входная дверь была закрыта, а коридор терялся в темноте, растворившись там во враждебной, как мне показалось, атмосфере. Это оттуда прилетели разбудившие меня звуки.

– Носит тут всяких! – пробормотал я, лишь бы пробормотать что-то. Начинается история про Хому Брута. Может, ночь уже, и таксидермист вообще забыл обо мне? Поехал со своей базы прямо домой?

И только я закрыл дверь и стал прибираться со стола, вновь раздался стук. Я замер. Стучали не в дверь, а в конце коридора. Может, там тоже дверь? Поколебавшись с минуту, я вышел из комнаты. В полумраке стал приглядываться к стенам, но выключателя не нашел, электрического шкафа или отдельного рубильника тоже не было. Чего же Вова не показал, где тут включается свет? Я направился вглубь коридора на стук. Пол был земляной, неровный, захламленный всем, что я должен был рассортировать и разложить вдоль стен. Теперь я отчетливо услышал, что стук идет из темноты, повторяясь со строгим интервалом. «Скорее всего, это работает какой-нибудь механизм, вентсистема или бойлер», – подумал я, передвигаясь в темноте на ощупь. Коридор сделал поворот и закончился тупиком с металлической (судя по звуку) дверью. Дверь была заперта.

– Извините, – сказал я двери и поворотил вспять.

Тут дверь открылась, и мне в спину ударил свет.

– Принимаете гостей? – раздался властный голос.

Я обернулся. На пороге стоял человек высокого роста. Лица его и одежды было не разглядеть.

– Милости просим, – сказал я и пошел к себе.

В комнате я разглядел незнакомца. Он оказался не таким властным, как его голос. Он был несколько полноватым, а полнота предполагает радушие. Гость не спешил сгладить впечатление от своего неожиданного появления в моем мире.

– Это вы стучали? – спросил я.

– На кого? Позволите? – Он опустился на диван.

– Чай? – на правах хозяина предложил я.

Незнакомец посмотрел на чайник.

– Электрический? Я больше люблю чай на костре. С дымом и комарами.

– На костре? Пожарные нагрянут. Вон датчиков сколько.

– Это я так, фигурально.

Я ополоснул бокалы и стал нарезать остатки хлеба, колбасы. Несколько минут мы оба молчали. Незнакомец приглядывался, не беря газету в руки, к подвалу последней полосы.

– Чем богаты, тем и рады, – я широким жестом пригласил незнакомца к столу.

Тот оценил взглядом стол и сказал:

– Не буду петь осанну сей трапезе, но она заслуживает того. Любительская? Премного благодарен вам. Позвольте представиться: Верлибр Павел Петрович, директор этого федерального заведения. Сюда вас Вова Сергеич определил? Или Салтыков?

– Вова Сергеич.

– Я так и думал. Он хоть и живодер, но искренне жалеет тех, кого убивает. Натура такая... Без палача история – богадельня. История начинается с палача и заканчивается палачом. Лучше: завершается. Да... Это я обдумываю тезисы своего выступления на комитете в понедельник...

– На комитете палачей? – спросил я.

Верлибр хохотнул и зябко поежился.

– Приказ на вас я только что подписал. Люблю крепкий! – Верлибр высыпал остатки заварки в стакан и залил ее крутым кипятком. – В Москве на чайных церемониях пьют зеленый китайский чай, не помню названия. «Улюлюм» какой-то, по восемьсот баксов за такую вот пачечку. Представляете?

Я попробовал представить это, но не смог. Поэтому вместо ответа промычал. Поскольку заварки не осталось, я запивал бутерброд сладким кипятком.

Поговорив таким образом ни о чем и об истории, мы попили чайку, съели весь хлеб с колбасой и сидели, глядя друг на друга.

– Приятно общаться с умным человеком, – наконец произнес Павел Петрович. – Ну не прощаюсь. Не провожайте. Перед выходными я обхожу все помещения музея. Как Александр посты.

Интересно, какого Александра он имел в виду?

– Не подскажете, который час?

Директор пожал плечами:

– Мне не нужны часы, – и покинул меня.

В дверях он обернулся, взглянул на рысь и поежился.

– Какой взгляд у нее!

Через минуту я выскочил, чтобы уточнить у него, который все-таки час, но Верлибра уже и след простыл. Я крикнул

– Павел Петрович!

А мне ответило эхо:

– Павел!.. Павел!.. Павел!..

### **Я вернулся в комнату...**

Я вернулся в комнату таксидермиста и опять стал убирать со стола. Что я делаю? Мне же работать надо. Надо работать, но я чувствовал во всем теле страшную усталость, накопившуюся за последнее время. Не было сил пошевелить даже пальцем. Я присел на минуту на диван, закрыл глаза и отчетливо увидел Федула, пинающего крышечку. Интересно, что он делает сейчас? Я взглянул на рысь. Я не мог отделаться от впечатления, что она смотрит на меня. Ей хорошо и спокойно, у нее есть крыша. Взяв в руки газету, я стал искать место, к которому приглядывался Верлибр. «Интересная фамилия, – подумал я, – Верлибр. Чего он там выглядывал?» Среди стандартных объявлений в глаза бросилось одно. Я прочитал его один раз, другой и никак не мог схватить суть: *«Меняю юг души на север можно меньше плюс вид на счастье»*.

– Можно меньше, – пробормотал я, отбросил газету и взял рукавицы.

И тут зашел Федул. В шапке, пальто и сапогах, а в руке он держал охапку роз.

– Привет, – сказал он. – Вот цветочница дала поддержать...

– Поди спер?

– Может, купишь? По дешевке отдам, – он понюхал цветы и дал понюхать мне. – Как?

– Мочой отдают, – оценил я.

– Это от меня. По контрасту. Основной принцип искусства. Бомж с розами – такого даже у Ибсена нет. Слишком абстрактно. Я ведь без малого двадцать лет в театральных критиках проходил.

– Вовы Сергеича нет, на базе он, – сказал я. – Как тебе это объявление как театральному критику?

У меня не было никаких сил начинать второй акт трудового дня, и я тянул антракт. Федул прочитал, пожевал губами.

– Как афиша на тумбу.

- Ты откуда взялся? – поинтересовался я. – Чего паришься? Снимай пальто.
- На пенсии, как дерьмо в проруби.
- Не хватает?
- Да нет, я просто бродяга по натуре. Вся жизнь в тусовках и экспедициях.

Федул скинул пальто и шапку и остался в одной майке неопределенного цвета поверх вылинявших спортивных штанов «Адидас».

– Полушинель, – с гордостью отрекомендовал он свое пальто. – Мы все вышли из полушинели.

Голос у Федула по тембру напоминал голос таксидермиста. Я пригляделся: Федул был очень похож на Вову Сергеича. Федул, заметив мой интерес, усмехнулся:

- Братья мы с Вовчиком. Я старший. Иногда по старой памяти помогу ему чем. Я ведь тоже таксидермистом был, четверть века!
- А двадцать лет в театральной критике? Сколько тебе?
- Скоро шестьдесят пять, – с гордостью произнес Федул.
- Ты ж говорил, полтинник?
- Это для прессы.

### **Абсолютная свобода бомжа...**

– Абсолютная свобода бомжа, – ни с того ни с сего стал рассуждать Федул, – зиждется на его высоконравственных жизненных принципах и питается высоким моральным духом.

- Понятно! – сказал я.
- Брось, ни фиги тебе не понятно. Жена есть?
- Нет.
- Ну вот, а говоришь, что тебе понятно всё. Всё понятно бывает только с женой. Я вот для большей ясности ее оставил одну. Ей это в самую кассу. Жены рады спровадить нас хоть в Зимбабве. Ладно, ты иди делай чего надо, а я тут вздремну пару часиков.

Он бросил в углу пальто, кряхтя, устроился на нем и тут же уснул.

Часа два я перекладывал с места на место железо, пока не устал с непривычки и весь не перепачкался в грязи и ржавчине. Отряхнув штаны и рубашку, я вернулся в комнату таксидермиста и лег отдохнуть на диван. Федул, похоже, так и не просыпался. Не мешало бы и мне вздремнуть. Я с завистью прислушался к его сопению. Удивительно, как это я давеча закемарил на часок? Вот уже несколько дней я не могу уснуть. Видимо, бессонница приходит не от того, что нет сна, а оттого, что жизнь проходит как во сне. Я страшно вымотался, во мне накопилось столько усталости, что ею можно было усыпить целое сказочное королевство! У меня приступы бессонницы случались и прежде. Через неделю без сна у меня обычно начинались глюки, и мне порой казалось, что я раздвоился и наблюдаю за собой со стороны...

Я никак не мог уснуть и лежал с открытыми глазами. Но когда на минуту закрыл глаза и тут же открыл их, Федула в комнате не было. Не было и запаха, ему свойственного, совершенно дикого запаха воли. Меня это почему-то успокоило. Я, как в болото, проваливался словами в небытие сна: так... трубы сюда... уголки сюда... доски сю...

### **Вечер начался с пробуждения...**

Вечер начался с пробуждения.

Была всё та же душлимая тишина, но послышался новый звук.

Вошла Элоиза... Мне теперь кажется, что я уже знал ее имя до того, как она представилась. Она вошла и воскликнула:

- А вот и Элоиза, котик! Ой, вы кто?!

- Скорей всего котик. Кипятку не желаете, Элизабет?
- У Вовчика тут, как в гражданскую, кипятком потчуют. Вообще-то я Элоиза.
- А я... – мой взгляд упал на рысь, – я Оцелот.
- Я знаю Оцелота, – сказала Элоиза, – это вождь сименонов. Читала. Литература неисчерпаема.
- Вы, видимо, историк? – предположил я, разумея ее начитанность.
- Хранитель. Я подписываю коробочки и составляю реестры.
- Благородное занятие. И очень нужное, – искренне похвалил я.
- Элоиза вспыхнула.

– Вам ли здесь судить о нас! – она брезгливо окинула взглядом помещение и ткнула пальцем в потолок.

Я поднял глаза. На низком потолке, почерневшем от времени и мрачных размышлений живодера, были прилеплены порнографические снимки.

Элоиза громко расхохоталась. В ее смехе было волнение. Волнение, рожденное чувственностью.

– Вы новенький? – спросила она, мгновенно став строгой. – Салтыков велел привести вас к нему на инструктаж. Пойдемте тут, так короче.

Мы прошли по коридору к двери, через которую вошел Верлибр, и оказались на крутой лестнице, которая, кружась, поднималась на несколько этажей. Мы взошли на второй. За дверью был коридор с опечатанными помещениями по обе стороны. Элоиза открыла единственную двухстворчатую дверь.

Помещение было светлое и просторное. Огромные окна, хоть и завешенные плотными портьерами, пропускали света столько, что экспонаты на полках и стеллажах казались залитыми золотом.

- Как у вас здесь красиво! – вырвалось у меня.
- Напоминает зоопарк, только менее зверский, – сказала Элоиза.

Я с любопытством взглянул на хранителя коробочек и заполнителя реестров. В золотом свете, льющемся из окон, ее несколько резкие для женщины черты лица смягчились, и вся она как бы округлилась и осветилась изнутри.

### **Элоиза, а вы не боитесь меня...**

- Элоиза, а вы не боитесь меня? Все-таки я человек с улицы, мало ли что.
- Все мы с улицы. Образованного человека с улицы сразу видно. А мы с вами, похоже, с одной. Вы с Продольной?
- С Поперечной.
- Куда же Салтыков делся? Обождем, – Элоиза повела носом. – Вот здесь по коридору налево душ. Там мыло слева в шкафчике. Хозяйственное, не перепутайте с дегтярным. Смотрите, через час закрываемся. Вы испачкались вот тут и тут. Что же вы не переоделись?
- Не во что. Мне только рукавицы выдали.
- Жмот этот Салтык. Есть же спецовка! Ладно, вы пока помойтесь, я вам почищу ваши штаны и подберу что-нибудь для работы, хоть это и не положено. Тут всякого ненужного барахла навалом.
- Так это же экспонаты! – воскликнул я.
- Да какие там экспонаты? Списано всё еще до войны. Идите, пока не передумала! Вот вам вместо полотенца, – она протянула мне половину старого халата, пахнущего нафталином уже лет сто.

В душевой пришлось выпрямить стояк и прочистить дырочки в душе, так как под пятью рвущимися струйками, брызжащими в стену, помыться было непросто.

– Я там починил душ, ваши сантехники бездельники, – отчитался я перед хранителем.  
– Вот вам для работы спецовка, а штаны я вам почистила, вы где-то умудрились еще вляпаться и в мазут.

В этот момент и вошел Верлибр.

– Это вы? – сказал он, подозрительно оглядывая меня. – Вы что, мылись? Федул заходил? Я помялся, не зная, на что сперва ответить.

– Он заходил, а я мылся, – сказал я.

– Салтычиха его терпеть не может, – сказала Элоиза.

### **И в этот момент зашла Салтычиха...**

И в этот момент зашла Салтычиха.

– Вот умница! – воскликнула она. – Опять обо мне в третьем лице!

– По статусу, – заметил Верлибр.

Салтычиха, крупная черноглазая женщина, смерила взглядом директора и уставилась на меня.

– Новенький? Кто?

– К Салтыкову разнорабочим, – сказал Верлибр.

– В понедельник к девяти ко мне! – строго взглянула на меня Салтычиха.

– А вы кто? – спросил я.

Элоиза рассмеялась, а Верлибр крякнул.

Салтычиха обдала всех тяжелым взглядом и вышла.

– Под ней вся хозслужба, – сказала Элоиза.

Я вопрошающе посмотрел на директора, но тот не заметил моего взгляда. «Значит, и в самом деле, вся», – подумал я.

– Вы, я слышал, с высшим образованием? – спросил он задумчиво.

Видимо, я его чем-то заинтересовал.

– Познакомьтесь с нашим начальником охраны, – представил Верлибр коренастого мужчину в пятнистом костюме и черной перевязью на лбу, столкнувшегося в дверях с Салтычихой.

Тот подошел ко мне и, притронувшись к повязке на лбу, сказал:

– Пантелеев. Черный пояс. Там Вова Сергеич пришел, ищет вас.

– Элоиза, проводите товарища, – попросил директор. – Он тут еще плохо ориентируется.

Спустившись по лестнице в подвал, мы ткнулись в закрытую дверь.

– Кто закрыл все двери? – Элоиза рванула на себя дверь и поглядела на отвалившуюся ручку. – Ну и двери!

Я толкнул дверь плечом, она открылась. В коридоре стояла мертвая тишина. Даже шаги наши были не слышны. Дверь в комнату таксидермиста была приоткрыта. Я вошел первым. На меня с верстака прыгнула рысь.

И тут же меня выдернули за руку в коридор.

– За ТэБэ-то так и не расписались! – воскликнула Элоиза, захлопнув дверь. – Пошли, журнал наверх!

В дверь глухо ударилась рысь. Один раз, и вновь наступила мертвая тишина. «Не может быть, – подумал я, – это сквозняк, от сквозняка она свалилась на пол».

– Чую, в этом году останусь без чеснока, – сказала Элоиза. – Еще в мае стал желтеть. У вас как чеснок?

– Как и лук, одни стрелки. Стрелки, стрелки, стрелки... Целый колчан.

– Нету дачи, что ли? А что делаете по выходным?

Я неопределенно пожал плечами.

– А у нас всех дачи есть. Даже у Федула. Но он летом больше на речке торчит, а на зиму запирает ее. А может, уже и спалил, грозился всё. Вовчик тоже свою терпеть не может, это у них с Федулом фамильная черта. Хотя в этом году вроде как собирается отдохнуть на ней. Он больше любит зверей да птиц стрелять или в силки ловить, чтоб не попортить... Живодер!..А чучела лучше у Федула получаются.

– А он разве работает?

– Зимой. А летом шляется по городу и окрестностям. То рыбкой промышляет, а то и для музея зверя или птицу принесет.

– А где Вова Сергеич?

– Как где? В своем кабинете. Распишитесь в журнале. Салтыкова ждать не будем, Салтычиха за него подмахнет. Имеет право. У вас и машины, наверное, нет? – В ее голосе почувствовалось сочувствие.

– Откуда?

Мы взяли журнал и зашли к Салтычихе. Салтычиха приседала на одной ноге, держась рукой за край стола. Потом стала приседать на другой. Она нимало не смутилась.

– Рекомендую! – воскликнула она. – Хорошо разгоняет кровь и дурные мысли! Это вам не геморрой высиживать!

Элоиза блеснула глазами, но ничего не сказала. Изгнав геморрой, Салтычиха расписалась там, куда Элоиза ткнула пальцем. А потом уселась за стол под настольной лампой с желтым абажуром и, нацепив на нос очки, стала вышивать гладью потрепанный вылинявший платок. Ей бы чепец и легкую белизну, а не красноту лицу – получился бы недурной Диккенс!

– Конец прошлого века, – пояснила она непонятно кому. – А я реставратор на полставки. Вот, полюбуйте, какие стежки! Лучше, чем было. Правда, плотно?

Элоиза искренне похвалила.

Пришел главный хранитель Скоробогатов. Поинтересовался секретом Салтычихино мастерства. Хотел помочь ей и загнал иголку в палец. Элоиза щелкнула зажигалкой и прокалила иглу.

– Чтоб не подцепить какую заразу, – сказала она, подмигнув мне.

– У Семаги вот так же вот иголка застряла в щеке, – сказала Салтычиха, – а потом гуляла по всему телу. Беднягу изрезали всего! В сердце поймали.

– Как же так, в сердце?! – содрогнулся Скоробогатов.

– Да, в самом сердце. Патологоанатом поймал.

– Да не слушайте вы ее! – сказала Элоиза. – Это вовсе не Семага был, а Чистоплюев. Он от себореи загнулся.

– А это что такое?

– А я откуда знаю, себорея и себорея, как чума или простатит.

– Теперь полный порядок, – сказал главный хранитель, любясь почерневшей иглой.

### **На неделю командирую тебя в женский батальон...**

– На неделю командирую тебя в женский батальон, – сказал Салтыков. – К Скоробогатову.

– В женский? – уточнил я.

– Козьма Иванович – администратор. В непосредственное подчинение Шуваловой. Фонды надо подготовить для ремонта. Экспонатов там больше, чем у меня гвоздей.

– У меня большой опыт по части перетаскивания грузов.

– Вот и прекрасно. Где вас Вова Сергеич нашел? Обычно разнорабочие у нас все без исключения потомки Герасима.

– Рабочие, они ведь тоже разные, – возразил я. – Я, например, внук Муму.



– Ступай.

В фондах Элоиза прыгала со стремянки на стремянку, разыскивая что-то на стеллажах.

– Помочь? – спросил я, сдерживая улыбку.

– Да, пожалуйста, – она подозрительно взглянула на меня. – Не могу найти вазочку одну.

– А другую нельзя?

Элоиза рассмеялась. Рассмеялся и я. Впервые за этот год.

– Можно, но не поймут! Выставка китайского фарфора, нужна именно та. После реставрации начальник сунул куда-то. Теперь ищи!

– Какая она?

Элоиза в воздухе нарисовала контуры вазы.

– Глазурованная. Тут синяя, а тут золотая.

Фарфором были забиты все стеллажи. Мне повезло, и я сразу же нашел вазочку. Скорее невзрачная, чем никакая. Элоиза даже пискнула от удовольствия.

– У вас легкая рука! – воскликнула она.

– Да, я пока не таскал ничего. Прислан вот потаскуном к Шуваловой.

Элоиза расхохоталась. Смешливая попалась девушка. Я тоже стал посмеиваться.

– Потаскуном, значит? Ко мне?

– Не знаю, может, и к вам. К Шуваловой.

– Шувалова в музее одна, это я.

– Ничего, если я вас буду продолжать звать Элоизой?

– Ничего, Оцелот.

Я не стал возражать против Оцелота. В мужчине должно быть что-то от дикого зверя, не запах, так хоть имя. Если он, конечно, не администратор.

– Это уникальная вазочка, – Элоиза любовалась ею. – Другой такой даже в Китае нет.

– И как он без нее?

– Вы, как я погляжу, не меньшая язва, чем я? – Элоиза поставила вазочку на тумбочку, где лежали отобранные вазы и статуэтки для выставки.

Я хотел ей сказать, что мы с нею два уникальнейших явления не только в Китае и России, а вообще во всем мире, но тут пожаловал Козьма Иванович.

– Как вам новенький? – обратился он к Элоизе, игнорируя меня взглядом.

Та снисходительно улыбнулась в ответ. Кому она предназначалась, ее снисходительность? Мне показалось, мужчинам вообще.

Я поменял стремянки местами. Скоробогатов с интересом следил за моими манипуляциями. Я потряс их для проверки устойчивости, вздохнул и стал завинчивать ослабленные винты.

– Вы к нам кем поступили? – поинтересовался Козьма Иванович.

– Разнорабочим, – сказал я.

– Вот и таскайте, разнорабочий! Шувалова, покажите ему, что надо делать. И побыстрей, сколько можно возиться с этим фарфором?

Скоробогатов вышел.

– Сволочь, – бросила Элоиза.

«Тебе виднее», – подумал я.

– Может, вы еще одну штучку найдете? Начальник сунул куда-то.

– Для маленькой девочки я обязательно найду маленькую штучку.

– Она большая, – вздохнула Элоиза. – Фарфоровая ваза, простенькая, но уникальная. Бисквит, стояла всю жизнь вот там, как урна. Начальник, может, забрал. Зачем? Второй день ищу.

– Ну и спросите у него. Может, он знает.

– Шутите? Он же администратор! Ему не до конкретных мелочей, где они лежат и как называются. Его мечта – работать в мэрии, вот там фонды! А тут...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.